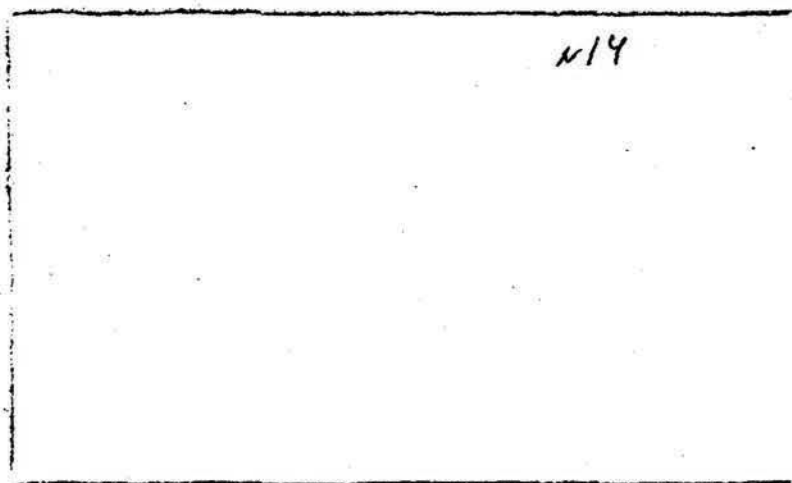

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ АН СССР

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ

СЕРИЯ А

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
В СССР

ДОКУМЕНТ № 14

Ю.Г.КУЛЬЧИК, С.И.РУМЯНЦЕВ.

О развитии общественно-политической
ситуации ССР Молдова.

Москва 1991

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не являться официальной позицией Института.

При использовании ссылка на материалы обязательна.

Редакционная группа: Ю.Д.Анчабадзе

Н.А.Лопуленко

С.В.Чешко

О РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ССР МОЛДОВА

Республика находится в состоянии перманентной гражданской войны. Более того едва ли в сложившейся ситуации можно избежать кровопролития. Это отнюдь не эмоции, а анализ положения, результаты которого в развернутом виде мы представим в самое ближайшее время.

Нет сомнений в том, что все усложняющаяся и быстро обостряющаяся общественно-политическая обстановка в Молдове будет развиваться в ближайшие месяцы на фоне все ухудшающегося положения в экономике. И дело не только в снижении уровня практически всех экономических показателей. Разбалансировался механизм материально-технического снабжения. Не подготовленный и в этом смысле преждевременный отход экономики от планового начала привел к значительным сбоям промышленного производства, оставшегося без достаточного количества сырья. В тяжелом положении оказались города, лишившиеся регулярных поставок основных продуктов питания. Все это создает и будет создавать социальную напряженность в обществе (в Молдове, как и повсюду в Союзе). Однако, острый кризис в республике, граничащий с возможным взрывом гражданской войны в форме межнационального противоборства, определяется не этими, а прежде всего надстроечными императивами, сложившимся в республике политическим режимом.

Рассмотрим основные политические силы, определяющие течения общественной жизни республики.

I.

Летом 1990 года в результате парламентских выборов демократическим путем к власти пришел Народный Фронт Молдовы (НФМ). Никакие ссылки на то, что большинство депутатов нового парламента являются коммунистами, на то, что президентом Молдовы является человек, не вышедший из рядов КПМ, и т.д. - не должно вводить в заблуждение: коммунистическая партия в республике утратила политическую власть. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что созданы практически мононациональные структуры власти:

правительство сформировано по национальному признаку; руководители всех 17 постоянных комиссий Верховного Совета республики - молдоване. Но дело не только в том, что нарушена пропорциональное национальному составу республики представительство различных национальных общин.

Главное заключается в самой природе сложившегося режима.

НФМ, возникший в середине 1989 года, в настоящее время насчитывает 40 тысяч активистов и около двухсот тысяч сочувствующих. Его вдохновителем и руководителем является творческая молдавская интеллигенция. Ей удалось, опираясь на студенчество, мобилизовать широкие массы молдован под лозунгами национального возрождения. В течение нескольких месяцев сформировалось национальное движение, имеющее ярко выраженную популистскую идеологическую концепцию.

Мы определили движение как популистское. Разумеется, популизм не является универсальным средством, полностью объясняющим феномен НФМ. Это один из возможных подходов объяснения мощнейшего гражданского движения, которое, как кажется многим, имеет "общенациональный" характер. Популизм - это своеобразная методологическая модель, позволяющая понять сущность движения, его внутреннюю противоречивость, широкую идейную и политическую амплитудность, "разнофланговость" - как имманентные самой природе данного явления.

Популизм не представляет собой какую-либо целостную систему идей. Он является результатом определенной сложившейся ситуации. Появление популизма обычно является ответом на проблемы модернизации, радикальных социальных применений и их последствий, как экономического, так и политического характера, хотя эти мотивы как бы скрываются, им предается косвенное значение.

Одна из важнейших черт популизма - абсолютная вера во всемогущество идеи, которой должно подчиняться все в обществе и политической жизни. Таковой в Молдове является идея Родины, подкрепленная синтезом двух понятий - "народа" и "нации". Лишь вера в идею обеспечивает причастность индивидуума к группе или культуре, а в конечном счете - к нации.

Популизм примитивен, но эта примитивность особого рода. Популизму свойственна "асимметрия гражданских принципов" одни принципы возвеличиваются, гиперболизируются, другие - просто

предаются забвению. В основе модели лежит сознательное преувеличение значимости национальных интересов в системе человеческих ценностей. Интерес нации искусственно ставится выше общечеловеческих интересов, выше интересов государства, класса, социального слоя или группы, выше интересов семьи, друбы, любви, выше родительского, профессионального долга. Смещение подлинных интересов человека достигается посредством массированного воздействия на людей средств массовой информации, проведения непрерывной цепи митингов, демонстраций, манифестаций. Упор делается главным образом на взвинчивание эмоций, сознательно мулсируются наиболее болезненные проблемы и не дается программа их позитивного решения. Популизм апеллирует к простому народу, как решающему большинству, обращается к его национальным традициям. Популистская мобилизация масс представляет собой попытку осуществить интеграцию на базе "традиционных" ценностей; он представляет собой способ, "технику национальной интеграции".

Именно посредством популистской идеологии и социальной методологии НФМ удалось победить на выборах и взять власть. При прогнозировании поведения данной власти необходимо постоянно учитывать эту особенность ее генезиса.

После победы на выборах НФМ в июле 1989 года проводит свой П съезд. Знакомство с программными документами и периодической печатью дает основание заключить, что никакой достаточно разработанной экономической концепции Фронт не имеет: ссылки на "два приоритетных направления" развития национальной экономики - сельское хозяйство и радиоэлектронику - не подкрепленные расчетами, не могут быть приняты всерьез. Отсутствие же республиканских законов о собственности, о земле, о предприятии, об аренде, о налогообложении и др. еще более создает неопределенность в экономике. В итоге получается, что новые возглавляемые НФМ органы оказываются властью без реальной власти, выраженной в экономических полномочиях.

Отсюда и чрезмерная "заидеологизированность" режима: объявление себя "антитоталитарной и антикоммунистической силой", борющейся против "советской империи"; поток лозунгово-пропагандистской информации о наименовании республики, о восстановлении этнонима "румынский народ" и названия языка

Молдовы "румынский язык", об отмене культа личности Ленина, о переименовании площади Победы, о статусе Советской Армии и т.д. Такая идеологическая платформа предполагает повышенную агрессивность режима, поиск "внешних" и "внутренних" врагов.

Стремление НФМ в программных документах отождествить молдавский этнос с румынским, осуществить не только языковую, но и политическую их идентификацию привело к возникновению внутриэтнического, "внутримолдавского" противоречия.

Подобные прорумынские установки в НФМ не случайны. Они имеют достаточно глубокие корни: в 20-30-е годы Румыния проводила аграрную реформу, сопровождавшуюся приглашением румынского населения на льготных условиях в Бессарабии заниматься сельским хозяйством. Не менее 80 тысяч человек переехало сюда на место жительства. Эти люди в подавляющем в своем большинстве остались здесь после 1945 года, и именно с этой частью наиболее зажиточного крестьянства была совершена сталинская кампания раскулачивания 1949 года. В отличие от российского крестьянства, погибшего в 30-50-е годы, эти люди вернулись в 1953-1956 годах, еще относительно здоровыми и возможно сохранившими некоторые ценности. Землю им не вернули, и они стали вкладывать усилия своего труда и сбережений в подрастающее поколение, стремясь дать ему образование. Если посмотреть генезис людей, возглавляющий НФМ, то мы обнаружим значительную часть граждан - молдавских румын во втором поколении. Отсюда и прорумынские ярковыраженные ориентации Фронта.

До поры за этими установками шла основная масса молдавского населения. На это "работали" и общность исторических судеб, и близость языков (одна из грубых политических ошибок гражданских движений русскоязычного населения состояла в непризнании необходимости перехода письменности Молдавы на латинскую графику: кириллица действительно препятствовала знакомству населения с научным и духовным потенциалом соседнего государства), и общий подъем национального самосознания молдован, когда люди начинают не только видеть острее различия между нациями, но и роднящие их черты. Наконец, эти устремления поддерживали также и партийные и государственные работники. Это объясняется не только тем, что КПМ пыталась идти навстречу интересам народа, но и, вероятно, тем, что подобные установки идеологически освящали происходящую смену

"поколений" в структуре власти, особенно в ее верхнем эшелоне: старые партийные и государственные кадры, начинавшие свою карьеру в конце 40-х - в 50-х годах, были выходцами с Левобережья, и теперь они оттеснялись молдаванами собственно Бессарабии. После прихода НФМ к власти прорумынские лозунги зазвучали резче. Это оттолкнуло от Фронта значительную часть крестьянства, историческая память которых хранит много негативного из прошлого 20-30-х годов (если в Литве национальное крестьянство в указанный исторический период в ходе проводимой, буржуазной аграрной реформы извлекло для себя громадные выгоды - здесь к 40-м годам основной костяк составляли крестьяне-середняки, то крестьянство Молдовы не приобрело больших дивидендов от аналогичной реформы, проводимой Румынией, в общем-то не избавившейся от пут феодальных пережитков "боярской" страны).

Эти лозунги отвратили от Фронта, а также значительную часть служащих государственного аппарата. Их отношение к позиции НФМ ужесточилось после предпринятых последним мер по "открытию дверей" с Румынией:

- организованный свободный переход границы в ряде мест в один из дней, обставленный с большим пропагандистским размахом, вскрыл то обстоятельство, что общий уровень жизни населения в Молдове несколько выше, чем у соседей, и потому форсированное слияние с Румынией рядовым молдаванам не несет сиюминутных выгод;

- либерализация режима поездок государственных служащих вызвала эффект, который явно не ожидали в НФМ: люди поняли, что в случае интеграции двух государственных аппаратов распределение мест во вновь создаваемом будет отнюдь не в пользу Молдовы.

Наконец, прорумынские установки НФМ, его чрезмерно выраженные в "национальном" духе устремления в подборе кадров, в языковой политике сделали враждебными по отношению к нему значительную часть молдавских городских слоев, особенно Кишинева. Эти люди в условиях диспропорции в нашей национальной политике действительно значительно ассимилировались в языковом плане. Многие состоят в смешанных браках, число которых, кстати продолжает увеличиваться. Многие работают в смешанных по своему национальному составу коллективах (на крупных предприятиях Кишинева до 40% персонала составляют молдаване). Возрастает

количество людей, втянутых в кооперативную и другую хозяйственную деятельность, которые мыслят исключительно экономическими и "союзными" категориями. Всех их отталкивает жесткость НФМ, а адаптироваться под него в устанавливаемые им сжатые сроки они не хотят.

Налицо внутриэтнический конфликт, который НФМ едва ли сможет сгладить декларируемыми ныне с трибун различного государственного уровня "разъяснений", что никакого слияния с Румынией в ближайшее время не предвидится. Чтобы его избежать, объединить нацию, режиму следует неизбежно искать внешние, сильно воздействующие факторы.

Популистское движение, завоевавшее политическую власть, стремится, чтобы сохранить себя, к двум по существу взаимоисключающим друг друга целям: с одной стороны, предпринимается попытка создать "многоклассовую интегративную партию", учитывающую интересы, якобы, всех слоев общества, но все более четче формулирующую программу, отражающую интересы каких-то одних сил - идеология режима именно тогда и превращается в популистский национализм, стремящийся подчинить массовое движение посредством каких-то уставных положений и возложенных обязанностей; с другой стороны, предпринимается попытка любой ценой сохранить само движение, его стихийность и массовость, эмоциональный порыв.

Популизм не имеет на индивидуума никакого экономического, политического, правового воздействия. Он морально давит на него. И если моральные каноны начинают безраздельно господствовать оно превращается в "фарисействующую моральную тиранию".

В Молдове сказанное о популистском движении в общей форме проявляется в следующем:

- из НФМ вышли люди, бывшие у истоков возникновения Фронта. Звучат обвинения в адрес Председателя НФМ и его "команды" в стремлении к "автаритаризму". Однако, дело не в личностях, а в логике развития самого популистского движения, нетерпящего многообразия в трактовке Национальной Идеи;

- на съезде НФМ развернулась борьба руководства Фронта против попыток преобразовать фронт в политическую партию. Мотивировалось это тем, что "Молдова является колонией советской империи, это привело бы к расколу сил". Нам неизвестны доводы

новых властей, но возникшая Социал-демократическая партия Молдовы не была официально зарегистрирована. Причины такой линии НФМ отнюдь не в противостоянии "советскому империализму". Популизм стремится интегрировать целое и потому будет препятствовать дальнейшему развитию процесса становления гражданского общества, предполагающего многообразие социальных интересов и, соответственно, плюрализм форм политической жизни (многопартийность).

Мы показали, что популистский режим даже для самих молдаван, при условии существования некоего мононационального государства, представляет собой тупиковый путь общественного развития. Без вмешательства извне такой режим может просуществовать длительный период, способный обернуться для народа временем национального "застоя". В этом случае он будет уничтожен политическим формированием, возникшим в условиях мононационального авторитаризма, к примеру, социал-демократами, христианскими демократами (в Молдове существует инициативная группа по созданию такой партии), коммунистами либо вариантом коалиции различных социальных сил. Такой вариант развития общества возможен, вероятно, в Литве. В Молдове же он маловероятен, поскольку здешний популистский режим не только не обладает тем экономическим потенциалом, какой есть у литовцев, но и подвержен воздействию двух мощнейших "внешних" факторов, какими являются проблемы юга Молдовы (гагаузов) и Приднестровья.

II.

Процесс формирования наций и национальных государств в юго-восточном регионе Европы сопровождался на протяжении веков интенсивной миграцией, перемещениями громадных масс народа. В результате Молдова превращается постепенно в многонациональную страну, в которой вместе с молдаванами жили, живут, будут жить, украинцы, русские, болгары, гагаузы, цыгане, греки, армяне, румыны, поляки, евреи, чехи, немцы, французы, итальянцы, турки и многие другие. В течение веков менялся удельный вес этнических групп в общем составе населения, но многонациональный характер сохранился, придавая краю специфический облик. Бессарабия - это прежде всего ценный (уникальный) опыт совместного проживания и

творчества этносов.

Молдова - исторически многонациональное образование. Это необходимо подчеркнуть, чтобы отвести появившиеся ныне идеологические постулаты о "коренной" нации, о имевшемся якобы "облагодетельствовании" одной нацией других, "пришлых" народов, "мигрантов" и т.д. Нам представляется ошибочными, а может быть, в свете сложившейся обстановки, и преступными, попытки доказывать "права нации на территории" (нацию понимают, как национальность, этнос). Вся история человечества - непрерывная череда захватов, переселений, слияний, разделений народов. Нет в мире этноса, образование которого не было бы результатом различного рода массовых миграций и ассимиляций. Территория, занимаемая каким-либо этносом, никогда не оставалась неизменной, ее этнические границы никогда не совпадали с государственными. Исторические процессы объективны, и крайне наивно полагать, что именно сейчас, в конце XX века, кому-то удастся их остановить или повернуть назад. Если историческая справедливость в настоящее время нарушена или стоит перед такой угрозой, то в какой исторической эпохе надо искать эталон, в соответствии с которым она должна быть восстановлена? В XIX веке? Или в XVIII, в XIV, в III веке до н.э.? Признать ныне приоритет молдавской нации над другими жителями края, пойти за лозунгом "Молдова - молдаванам", пытаться очертить племенные "швы" данного региона - означает разорвать естественно сложившуюся историческую ткань, нарушить многонациональный характер общества, расчленить, вольно или невольно, но неизбежно, единую Молдову, ликвидировать молдавскую государственность, а с ней и самобытную духовную культуру края.

Чем больше движение НФМ становилось популистским, строящим свою деятельность на мобилизации нации под лозунгами, нарушающими многовековое равноправное сосуществование различных этносов на этой земле, тем быстрее происходил процесс нарастания социальной активности гагаузов и жителей Приднестровья, осмысления там собственных региональных интересов, формирования гражданских движений - "Гагауз Халкы" и Союз Трудящихся Молдавии (СТМ).

Данные гражданские формирования возникли не по подсказке извне, не по прихоти какой-то горстки директоров-бюрократов, как пытаются это представить в Кишиневе лидеры НФМ. Они возникли по целому ряду сложных и взаимосвязанных причин:

- указанные регионы давно страдают от ошибок и просчетов в политике централизованного планирования и перераспределения ресурсов и сырья. Достаточно вспомнить, какой урон нанесли гагаузскому крестьянству (впрочем как и молдавскому) кампания по борьбе с алкоголизмом, когда было уничтожено значительное количество виноградников (а лозу за один год не вырастить!). Спускаемая "сверху" цена на табак - всего 4 р. 80 коп. за один килограмм при трудоемких затратах - привела к свертыванию площадей традиционных табачных плантаций и т.д. и т.п. Регионы отчисляли республиканскому центру в несколько раз больше, чем получали в форме ведомственной дотации (для промышленного Приднестровья это выражалось в соотношении почти 10:1, для земледельческого юга - 2:1). С провозглашенной с трибун съездов союзного и республиканского уровней политики демократизации, в указанных регионах зародилось естественное стремление добиться действительного хозрасчета и самостоятельности;

- с принятием Закона о языках и, главное, стремлением НФМ формировать "языковую" проблему (что выразилось в принятии государственного постановления об аттестации руководящих кадров на знание молдавского языка уже сейчас и практическому допущению смещения немолдаван с должностей любого уровня) всколыхнулось и мобилизовалось немолдавское население повсюду в республике, но прежде всего на юге и в Приднестровье, где гагаузы и русские, украинцы составляют большинство;

- наконец, массовые митинги в Кишиневе сторонников Народного фронта, нападение на здание МВД, срыв демонстрации 7 ноября, многочисленные случаи избиений "русскоязычных" граждан и даже депутатов парламента, убийство юноши и т.д. - все это не могло не поставить проблемы обеспечения защиты личной безопасности людей и, как следствие, поиска форм политической самоорганизации.

Если в Кишиневе возникло Интердвижение, которое составило преимущественно творческая и научно-техническая интеллигенция, движение, имеющее, вероятно, недостаточно мощную поддержку в трудовых коллективах крупных промышленных предприятий (вследствие смешанного национального состава), - то на юге Молдовы и в Приднестровье появились мощные гражданские формирования.

НФМ, руководство республики по началу объявили их "антинациональными", "антиконституционными". Позднее, сев с ними

за стол переговоров, они заняли "жесткую", "бескомпромиссную" позицию: было упущено время, когда для восстановления хотя бы относительного межнационального согласия достаточно было уступок по "языковым" проблемам; был не использован момент, когда требование гагаузов предоставить им автономию, хотя бы на областном уровне, а также просьба предприятий Приднестровья предоставить им большую экономическую самостоятельность могли привести к совершенствованию хозяйственных связей и, опять-таки, к относительному успокоению немолдавского населения; теперь, когда провозглашена Гагаузская и Приднестровская республики "вне рамок" Молдовы, вместо того, чтобы упорно искать компромисс, НФМ и руководство республики продолжают курс отстаивания "национальных" интересов.

Подобный политический курс окончательно вскрывает популистскую сущность политического режима в республике. Всякий компромисс означал бы для популистского руководства отказ от "Национальной Идеи", отказ от мобилизации нации посредством популистских лозунгов, потерю широкой социальной базы, утраты самого себя.

Политическая ситуация в республике зашла в тупик: с одной стороны, популистское движение, популистская власть, с другой, - возникшие государственные структуры власти в Комрате и Тирасполе (хочет или нет это признавать народнофронтровский Кишинев). Следует отметить одно очень важное обстоятельство: в результате выборов в местные Советы в Тирасполе и других городах Приднестровья, а также в Комрате пришли к власти гражданские движения СТМ, Гагауз Халкы в Комрате. В первом случае основу составляют представители научно-технической интеллигенции; во-втором, преимущественно представители немногочисленной творческой интеллигенции. Но в том и в другом случае - это движения, идущие "снизу", имеющие также элементы популизма (достаточно напомнить 70-тысячный митинг рабочих в Тирасполе, когда в сумерках со свечами в руках громадная масса людей пела Интернационал!). Эти движения возглавляются людьми, также несклонными идти быстро на компромиссы и уступки. И здесь в высшей степени ошибочно представление руководителей республики и КПМ, что достаточно кого-то арестовать или припугнуть, или... исключить из членов КПСС, чтобы порядок был наведен. Если главные

фигуры Тирасполя, Комрата и других "бунтующих" городов и сел будут устранены внешними силами, то обстановка может стать взрывной, поскольку придут на их место более молодые и, главное, более радикально настроенные люди. Стремление к еще большему диктату по отношению к Приднестровью и Комрату приведет только к еще большему неповиновению последних.

III

Итак, возникает тупиковая ситуация. Вопрос сейчас стоит о сохранении территориальной целостности молдавского государства, причем отнюдь не в форме "единой и неделимой", "от гор и до моря" Молдовы, где молдованин будет благодетельствовать "пришлым", "мигрантам" и т.д., как представляется это популистским лидерам НФМ.

Целостность государства может быть обеспечена лишь в случае признания всеми сторонами - молдаванами, гагаузами, болгарями, жителями Приднестровья - что Молдова представляет собой многонациональное государственное образование, и поэтому юридически и фактически должен быть признан этнический плюрализм - исторический, культурный, политический, экономический - без стремления к унификации, ибо единство многонационального организма немыслимо без признания его этнического многообразия. Политическая структура Молдовы не должна представлять собой некое застывшее унифицированное целое. Она может и должна развиваться в плане удовлетворения интересов различных этносоюзов при сохранении целостности республики. Сегодня возможна только федеративная Молдова, вероятно с двухпалатным парламентом, с предоставлением автономным образованиям широчайших полномочий в принятии решений по экономическим и социальным вопросам.

В Молдове позиции сторон все более расходятся, каждая стремится любой ценой достичь своего, для каждой цель, идея превыше всего. Между тем многим эта эмоциональность мешает адекватно анализировать действительную ткань настоящего, для них разрыв между представлением и реальностью трудно преодолеть. Конечно, история есть деятельность преследующего свои цели человека. Но это совсем не означает, что ход истории строго идет по "вехам" человеческих целей. Действительное историческое

движение чаще не совпадает с теми целями, которые ставит человек. Развитие целей (идеалов) дает картину истории идей. А реальные процессы, катаклизмы, страсти, борения воле составляют ткань действительной истории. Между целью и результатом обычно всегда существует расхождение.

Давайте задумаемся, действительно ли национальные идеи, за которые так яростно борется Народный Фронт Молдовии, с одной стороны, или отчаянная решимость гагаузов и жителей Приднестровья создать свои республики, с другой, ведут к истине? Может быть за этим борением и страстями скрывается нечто третье: страна переходит к новому типу руководства делами общества, к динамическому руководству, в отличие от статического, характерного для строго унифицированного мира; от сверхцентрализации и регламентации - к многообразию форм общественной жизни и саморегулированию общества.

Для реализации этого пути необходимо не только желание руководства НФМ и Верховного Совета республики, для этого безусловно необходимо также соблюдение ими временного фактора: в Комрате и Тирасполе формируются новые структуры власти. Пока люди, занимающие руководящие посты, чувствуют себя недостаточно уверенно, с ними еще пока можно договориться. Компромисс еще возможен! Через шесть-восемь месяцев может вступить закон самовоспроизводства системы - люди поверят в себя, система докажет способность к жизни самостоятельной. Тогда вопрос о сохранении целостности молдавского государства будет лишь гипотетическим.

Сам популистский режим, конечно, может попытаться и, на наш взгляд, обязательно попытается силой подчинить себе "неконституционно" действующих "сепаратистов". В этом случае от Левобережья оно получит отпор открыто, что касается Комрата, то, по-видимому, население там воспримет формы партизанского сопротивления. Не исключен и такой вариант: возбужденный популистскими призывами, будучи на подъеме своего национального духа, народ через некоторое время обнаружит, что решающего прорыва в экономике и социальной сфере не произошло, а весь поднятый шум оканчивается утратой территориальной целостности государства. Тогда у определенных слоев населения может возникнуть душевный надлом, который проявится в актах насилия и

вандализма. Вся энергия социального негодования тогда может обернуться как против самого популистского правительства, так и против "подставленного" им в качестве козла отпущения" русско-язычного населения Кишинева.

Что делать Москве, "центру", в этом случае? Пока вероятно одно: дать в средствах массовой информации объективный расклад политических сил в Молдове, сделать этот анализ достоянием международной общественности. Если это не сделать сейчас, то в случае развертывания экстремальной ситуации (вероятнее всего сначала на юге Молдовы) любое вмешательство Москвы без предварительного уведомления мирового сообщества и страны будет рассматриваться ими как акты вмешательства и агрессии.

Отдел межнациональных отношений и региональных проблем молодежи ЦК ВЛКСМ,
Центр по изучению межнациональных отношений Института этнографии АН СССР